

АЛЬТШУЛЕР Б.Л.

Е.С. Фрадкин и А.Д. Сахаров

Я скажу о Фрадкине и Сахарове. Ефим Самойлович прошел войну, был тяжело ранен, после демобилизации в 1946-м и окончания Львовского университета в 1948-м был принят в аспирантуру ФИАНа. Пришел в ФИАН в военной форме. С тех пор они и знакомы с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, который в теоротделе ФИАНа с 1945 года.

А.Д. Сахаров: *“Из всей нашей кампании Фрадкин единственный достиг того амплуа высокопрофессионального физика-теоретика “переднего края”, о котором мы все мечтали”*. [“Воспоминания”, часть I, гл. 5].

Как мы все знаем, когда Сахарова в январе 1980 года выслали в Горький, теоретики не согласились его уволить. Как тогда отвечал Гелий Фролович Жарков на требовательные звонки из райкома партии: “Покажите мне, где в Уставе Академии написано, что академик должен ходить на работу?” Конечно, эти усилия теоретиков увенчались успехом, потому что ту же позицию занимал тогдашний и.о. директора ФИАНа Сергей Иванович Никольский. Да и где-то в самых верхах, похоже, не было единства в вопросе преследования Сахарова.

Именно из-за этой неопределенности в высших сферах можно с уверенностью сказать, что если бы теоретики проявили конформизм, если бы руководивший теоротделом Виталий Лазаревич Гинзбург не доказывал в ЦК КПСС (а он тогда не раз посетил это заведение), что Сахарову надо дать возможность заниматься наукой, то Андрей Дмитриевич заведомо был бы уволен из ФИАНа. И никакого обратного хода тут быть не могло.

Так или иначе, но в начале марта 1980 года на высшем уровне было принято решение оставить Сахарова сотрудником теоротдела ФИАНа и разрешить командировки теоретиков к нему в горьковскую ссылку.

Вот об одной такой командировке Фрадкина и Болотовского 12 ноября 1984 года я и расскажу. В основном, путем цитирования потрясающих воспоминаний об этом дне Бориса Михайловича Болотовского.

Накануне поездки они, помимо книг и литературы, собрали огромное количество продуктов. Была там и заполненная всякой всячиной “большая сумка-термос на ремне” от друга Сахарова и Боннэр художника Бориса Биргера. Как будет видно, эта сумка – один из героев нашего повествования. Далее цитирую Болотовского:

“Ефим, — спросил я его, — а как мы в Горьком управимся с нашим грузом

Фрадкин ответил, что нас будет встречать микроавтобус Института химии. Об этом договорился Игорь Дремин, заместитель заведующего Теоретическим отделом. Он звонил в Горький, в Институт химии, чтобы предупредить о нашем приезде. И договорился, что за нами на вокзал пришлют машину — микроавтобус. И номер этого микроавтобуса уже из Горького сообщили, и Ефим записал. Это было облегчением, спасибо горьковчанам.

Еще Ефим сказал, что ему звонил куратор из госбезопасности и предупредил, что никаких писем частного характера нельзя передавать ни Сахарову, ни от Сахарова”.

Поезд пришел в Горький рано. На встретившем их рафике Института химии подъехали к подъезду дома на проспекте Гагарина. Снова Болотовский:

“Посмотрели на часы — 8 часов утра. Решили, что еще рано, не стоит беспокоить хозяев. Попросили дежурного милиционера присмотреть за вещами (он охотно согласился) — и пошли на час погулять. Когда мы вышли на улицу, Ефим сказал: “Если хотят, могут наши вещи проверить. Очень хорошо”.

Щербинка — район массовой застройки на краю Горького. Вдоль проспекта Гагарина стоят кирпичные типовые дома, похожие друг на друга. Около часа мы бродили по микрорайону, заглядывая по дороге в попавшиеся продовольственные магазины. То, что мы увидели, нас не обрадовало. Сыра не было, сливочного масла не было, мяса не было. Вспомнился анекдот, который я слышал незадолго перед тем: “Как сообщают из Горького, академик Сахаров прекратил голодовку. Остальное население города продолжает голодать”.

К девяти часам утра мы вернулись к дому, где жили Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна. Позвонили в дверь. Нам открыл Андрей Дмитриевич и сразу же из кухни в переднюю вышла Елена Георгиевна. Нас ждали.....

Из-за разговоров завтрак затянулся, мы встали из-за стола уже в одиннадцатом часу. Поблагодарили хозяйку и пошли в большую комнату, где Андрей Дмитриевич сел за круглый стол, мы сели напротив, и начались научные обсуждения.

Андрей Дмитриевич с жадностью и величайшим интересом выслушивал всю ту информацию, которую привез Ефим. Разговор шел о наиболее существенных работах в тех областях, которые были интересны Андрею Дмитриевичу. Андрей Дмитриевич задавал много вопросов, комментировал, спорил. Потом Е. Фрадкин стал рассказывать о своих работах. Андрей Дмитриевич и тут не был пассивным слушателем. Стараясь уяснить постановку задачи, он засыпал Ефима вопросами. Разъяснения Ефима его не удовлетворяли. Ефим несколько раз хотел перейти от слов к формулам, вынимал ручку, придвигал к себе чистый лист бумаги. Он надеялся, что формулы будут для Андрея Дмитриевича убедительнее слов. Но Сахаров каждый раз говорил:

— Погодите, Фима!

И задавал новые вопросы, высказывал новые возражения. Наконец, Ефим взмолился:

— Андрей Дмитриевич, давайте я вам формулу напишу, тогда все станет ясно.

— Нет, Фима, — возразил Андрей Дмитриевич, — вы мне на словах растолкуйте постановку задачи. Может быть, я после этого на ваши формулы и смотреть не захочу.

Андрей Дмитриевич и Ефим в конце концов все выяснили “на словах”, пришли к согласию, и Ефим стал выписывать формулы — всего несколько строчек, потому что Андрею Дмитриевичу все было ясно и без формул. Ефим писал и говорил, а Андрей Дмитриевич слушал и молчал.

Потом Ефим стал рассказывать о другой работе, и спор возобновился. Точнее говоря, это был не спор, а дискуссия, обсуждение. Ефим с великим вниманием выслушивал все замечания Андрея Дмитриевича, и было видно, что эти замечания для Ефима столь же важны, сколь для Андрея Дмитриевича было важно узнать новости,” хотя бы на короткое время пообщаться со знатоком.

Несколько часов продолжалась беседа, а Андрей Дмитриевич был все так же ненасытен. Ефим устал, или сделал вид, что устал, и обсуждения были прерваны на короткое время...

За обедом Елена Георгиевна рассказала о некоторых подробностях их жизни в Горьком.....

Мы пошли на кухню пить чай. К чаю был пирог, испеченный моей женой Наташей. Мне удалось довести его в целости и сохранности. Хозяйка похвалила пирог, и я был очень рад этому.

После чая опять начались обсуждения. Ефим рассказывал, Андрей Дмитриевич расспрашивал, спорил, соглашался, потом сам рассказывал. Я мало что понимал и быстро потерял интерес к их беседе...

На столе лежал программируемый калькулятор фирмы “Хьюлетт-Паккард”. Это был подарок Сахарову от американских математиков. Несмотря на малые размеры, эта вычислительная машинка обладала довольно большими возможностями. Руководство к пользованию этой машинкой представляет собой довольно толстую книгу (несколько сот страниц). Без руководства, как я думал, этой машинкой овладеть невозможно. Но я нигде поблизости не видел руководства. В один из кратких перерывов я спросил у Андрея Дмитриевича, есть ли у него руководство.

— Есть, а зачем оно нужно? — сказал Андрей Дмитриевич. — Свою голову надо иметь.

Пока я переваривал этот поразительный ответ, Андрей Дмитриевич и Ефим возвратились к обсуждению.

Через некоторое время я посмотрел на часы и увидел, что скоро нам с Ефимом пора будет собираться в обратный путь и ехать на вокзал. Но Ефим и Андрей Дмитриевич продолжали обсуждение. Они разговаривали на бумаге. Андрей Дмитриевич писал уже не формулы, а слова. Ефим отвечал либо кивком головы, либо жестом, либо тоже что-то писал. Как раз в тот момент, когда я поглядел, Андрей Дмитриевич дописал большими буквами очередную фразу, я ее прочел: “Скажите Боре”. Боря — это я. Я все понял и вышел из комнаты, чтобы не мешать их разговору...

Мы быстро поели и стали одеваться — мы с Ефимом и Андрей Дмитриевич, он хотел нас проводить до автобусной остановки. В прихожей на полу стояла сумка-термос, в которой мы привезли продукты. Сумка была пуста, если не считать, что на дне ее была постлана газета, а под газетой было положено письмо. Андрей Дмитриевич поднял сумку, держа ее руками за концы ремня вблизи от точек закрепления. Глядя мне прямо в глаза, он протянул мне эту сумку, как вручают награду. Я тоже взял сумку двумя руками и повесил ее на плечо. Мы попрощались с Еленой Георгиевной и вышли на улицу. Какие-то тени метнулись в темноте перед подъездом. Мы выбрались на проспект Гагарина. Проспект в этот вечерний час был пустой и безлюдный. Ни людей, ни машин, только одна черная “Волга” стояла у обочины. Мы пошли к остановке. Сразу же “Волга” тронулась с места и медленно поехала вслед за нами, не отставая и не обгоняя. Мы подошли к остановке, и

почти сразу же показался автобус. Андрей Дмитриевич попрощался с нами. Войдя в пустой автобус, мы оглянулись и увидели сутулую спину Сахарова.

Ефим сел у окна, я — рядом, ближе к проходу. Сумку-термос поставил в проходе рядом с нашим сидением. Портфель держал на коленях, и Ефим свой портфель поставил на колени перед собой.

В пути автобус постепенно наполнялся. На следующей остановке вошла шумная компания — четыре или пять молодых и плечистых парней. Они сели по другую сторону прохода рядом с нами. Парни смеялись, шутили, не обращая на нас внимания, и только изредка поглядывали на нас. Может быть, они за нами следили, а может быть и нет.

Мысли у меня были самые неутешительные. Я видел, как огромная тупая безликая сила всей своей мощью обрушивается на великого физика, великого гражданина, великого человека и украшение человечества. То, что происходило, создавало впечатление полнейшей безнадежности. Восхищение, которое внушал Андрей Дмитриевич, смешивалось с чувством боли за него и ощущением, что в будущем легче не будет.

Мои товарищи, которые раньше ездили к Андрею Дмитриевичу, рассказывали мне, что уезжали от Сахарова потрясенные и подавленные”.

[Б.М. Болотовский, Один день в городе Горьком, в книге “Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове”, М.: ОТФ ФИАН – Практика, 1996].

Да, Фрадкин и Болотовский пренебрегли строгими предупреждениями госбезопасности, вывезли из Горького под газетами на дне сумки-термоса важный документ Сахарова и передали его Борису Биргеру. Тем, кто не жил в то время, наверно, трудно понять, насколько страшная, в первую очередь непредсказуемостью ее реакций, была эта структура — КГБ СССР. Но братство теоретиков оказалось сильнее этой машины.